

Принцип экстерриториальности конкурентного регулирования в цифровую эпоху.

Научный руководитель – Варламова Алла Николаевна

Грошилина Татьяна Витальевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: groshilinatv@yandex.ru

Фундаментальным принципом суверенитета государства является его действие в пределах территории данного государства. Однако после принятия в 2012 году Третьего антимонопольного пакета, новая редакция ч. 2 ст. 3, а также отсутствовавшая прежде ст. 26.1 ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон) [1] закрепили принцип экстерриториального действия конкурентного регулирования. Необходимо определить содержание принципа с учетом тенденций цифровизации. Оправданно ли он существует в российском законодательстве? Насколько принцип осуществим?

Государственному контролю, по смыслу Закона, подлежит неопределенно широкий круг сделок и иных действий, удовлетворяющих критерий влияния на состояние конкуренции на рынке РФ. Законодатель направлен не включил в 2009 году в редакцию ч. 2 ст. 3 Закона существовавший в ней прежде перечень действий российских коммерсантов за рубежом, подлежащих антимонопольному регулированию, что прямо свидетельствует об усилении антимонопольного регулирования как инструмента обеспечения экономической стабильности. Так законодатель подчеркивает: влияние на рынок оказывается не только непосредственно движением активов «через границу» (такие ситуации были перечислены в старой редакции ч. 2 ст. 3 Закона), но и косвенно – антиконкурентными соглашениями без явного движения активов. Конечный результат такой корректировки законодательства в том, что теперь российское конкурентное регулирование внешнеэкономических отношений действует не только для целей борьбы с экономической концентрацией, но и для противодействия международным картелям, являющимся не меньшей угрозой для свободного рынка в РФ [2].

Сегодня ввиду упрощения заключения коммерческих договоров посредством использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий количество сделок между иностранными контрагентами возросло. Принцип экстерриториальности сформулирован российским законодателем так, что обязательным критерием его применения является географический признак – заключение сделки на территории иного государства. Как было отмечено, новый виток в регулировании внешнеэкономической деятельности российских коммерсантов был направлен именно против картельных соглашений, число которых также выросло ввиду совершенствования средств коммуникации. В XXI веке высокотехнические каналы связи обеспечивают постоянный контакт участников картеля, дает им возможность не только проще заключать, но и продолжительно исполнять заключенное соглашение, что усиливает негативный эффект. Таким образом, исключительно географический критерий сегодня кажется недостаточно эффективным ввиду перехода деловой коммуникации в цифровой формат.

На практике, насколько готово иностранное государство принять, что на его же территории к сделкам будут применяться российские нормы ограничительного характера? Применим ли к подобному спору подход А. Колангело, полагавшего, что разграничение

территориального и экстерриториального характера юрисдикции зависит не от территориальной демаркации, а от реального влияния на интересы того или иного государства [3]? Экстерриториальный принцип действия конкурентного права воспринят не только (а в сравнении с США, где впервые возник данный принцип в законе Шермана – не столько) Россией. Право ЕС также обладает широкой практикой применения данного принципа [4]. Ввиду того, что принцип восприняло большинство развитых правовых систем, нет оснований говорить о претенциозности или экстраординарности имплементации Россией рассматриваемого принципа в свое законодательство. Поэтому, зачастую, иностранные контрагенты ставят под знак вопроса не само требование российского законодательства о применении принципа экстерриториальности, а доказанность рисков или убытков для российской экономики от заключаемой за пределами государства коммерческой сделки. Отсюда и вырастает проблема: доказанность – понятие намного более относительное и субъективное, чем ответ на однозначный теоретический вопрос «допустим ли принцип экстерриториальности?».

В эпоху экспансии транснациональных компаний, санкционных ограничений подвижности курса валют, государству важно обеспечить защищенность экономической составляющей суверенитета. С другой стороны, политика протекционизма ограничена взятыми Россией обязательствами в рамках членства в ВТО, ШОС, БРИКС, ОПЕК+, ЕАЭС и иных международных организациях и надгосударственных союзов. Ограничение протекционизма на практике проявляется не только в предотвращении действий нероссийских агентов коммерческой деятельности, которые бы навредили конкуренции в среде российского бизнеса или в России в целом. Доктрина экстерриториального конкурентного права в российской правовой практике нашла и иные проявления. Например, Закон устанавливает действие экстерриториальности для сделок с участием именно иностранных контрагентов, к коим органы международных организаций или надгосударственных союзов не относятся [5]. Данный аргумент использовал ФАС России в одном из решений, посчитав не подлежащими применению к действиям Евразийской комиссии нормы российского конкурентного законодательства именно в силу ч. 2 п. 3 Закона.

В заключение, принцип экстерриториальности антимонопольного регулирования, хотя и призван обеспечить стабильность национальной экономики РФ, защитить ее рыночный характер, тем не менее, предполагает отнюдь не одностороннее применение. Принцип стал таким гибким именно благодаря редакции ч. 2 ст. 3 и новой ст. 26.1, ушедших от закрытого перечня действий за рубежом, ограничиваемых нормами Закона. Нужно констатировать, что стабильность применения принципа возможна лишь после накопления весомой правовой практики и развития доктрины в рассматриваемой области.

Библиографический список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ "О защите конкуренции"
2. И.Ю. Артемьев "Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О защите конкуренции", "Статут", 2016
3. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3.
4. Хлестов О.Н. Экстерриториальное действие антимонопольного права Европейского Союза // Журнал российского права. - М.: Норма, 2007, № 6.
5. Решение ФАС России № Т-28/12 от 03.09.2012